

ИГРА

В то солнечное лето птицы будто не могли накричаться. Сладко и самозабвенно они надрывали свои маленькие связки из всех углов и кустов небольшой бабушкиной деревни. Они кричали о счастье и сытости, кишащей вокруг, о своих птенцах и гнёздах, о вечно благополучном прогнозе Гидрометеоцентра и об умопомрачительных деревенских закатах.

Мы, городские дети, оставленные своими родителями на летний период под стариковский присмотр, также забыв обо всём, бегали по песчаным улицам, наслаждаясь текущим моментом, даже и не пытаясь знать что-то о будущем. Жгли костры и сбивали пятки, купались в речке и воровали соседскую клубнику, играли в индейцев и пытались улизнуть от взрослых поручений. В настоящем было столько всего интересного, что будущего просто не существовало.

– Я Мороз-Красный Нос! – ревел, как медведь, чуть выпивший дядя Витя. – Кого коснусь – заморожу!

Широко расставив руки, он стоял посреди неширокого двора, пытаясь коснуться кого-либо из нас, пробежавших мимо него в обоих направлениях. Нос его, наверно, действительно был красноват,

но от всего этого рычания исходило такое дружелюбное благолепие, что мы с хохотом проносились мимо, пытаясь раздражить его ещё больше.

Самый старший из нас, Саша, всячески демонстрировал, что его не очень-то забавляет игра в салочки с мелюзгой, и поэтому в момент всеобщего перебегания, нарочито не спеша, грациозно, как гепард, перемещался на противоположный край двора, самодовольно усмехаясь. Но, конечно, его захватывал азарт успеха. Кроме того, он поглядывал в сторону бурно взрослеющей Ани.

– Я боюсь! Не побегу! – визжал робкий соседский Вадик, но всё равно бежал.

– Красный нос, красный нос! – дразнил, уворачиваясь от рук дяди Вити, ловкий Мишка.

Словно сквозь лопасти сказочной мельницы проносились мы между его рук. Маленькие донкихоты, побеждавшие каждый в своей сказке. Один за другим игроки замирали посреди двора, но радость от этого не прерывалась. Вот и я уже, хохоча, стоял «замороженный». Саша, поняв, что скоро останется единственным участником, незадолго до этого незаметно вышел из игры и уже сидел в стороне.

– Дед Мороз, ты меня сейчас сразу заморозишь! – вскричала Аня, желая утвердить первенство. – Тогда кто победил? Что это за игра, если нет победителя?

Через много лет ослепительная красавица Аня, бросив институт, скатится на самое дно. Привыкнув пользоваться своим обаянием, она пропустила момент, когда нужно было выбирать пристань, и вешалась уже на каждого, кто хоть ненадолго мог обеспечить ей существование. Говорят, она смогла найти в себе силы слезть с зависимостей и, наконец, выскочила то ли за француза, то ли за араба, но и там не сложилось. Вернулась. Только в возрасте далеко за тридцать она нашла простого крепкого мужчину-вдовца и смогла родить ребёнка. Говорят, что сейчас она поёт в церковном хоре. Мишка, которому на заре жизни Аня успела разбить сердце, пропал лет на двадцать, но в двухтысячных вернулся в деревню, сразу женился на местной из молодых, завёл троих детишек и построил дом на месте родительского. Каким-то образом мы однажды увиделись, и сейчас иногда я навещаю их крепкую простую семью. Именно от него я узнал, что наш

нерешительный Вадик, попав в армию, не стал уклоняться от распределения и уже в Чечне попал под новогоднюю раздачу. Вернулся он с четырьмя ранениями и орденом Мужества. Говорят, вытаскивал пацанов. Это небольшое стало нам известно от его матери, живущей в деревне. Сам он давно переехал в другой регион. Самый старший из той нашей вечной компании, Саша, в деревне давно уже не показывается. Ещё в девяностых он примкнул к «правильной» компании, что обеспечило ему некоторый успех, но и затребовало определённой жертвы. Ему пришлось порвать с родителями, так как фактически их разорили люди, с которыми Саша связал свою судьбу. Выбор, сделанный им, не подлежит обсуждению и разговорам. Про него просто забыли. Мне кажется, я однажды видел его, за рулём неплохого автомобиля, но он отвёл глаза и проехал мимо.

– Аххаха! Потому-то и самая лучшая игра! Ну-ка, беги сюда! Я Мороз-Красный Нос, всех заморожу! – комично рычал дядя Витя под общий хохот.

В этой игре не бывает победителей.

РУБЦЫ

Глухой звук ударов далеко разносился в упругом холодном воздухе. Едва уловимый запах свежей древесины чуть пьянил. Светло-жёлтые щепы, словно буквы, осыпались на коричневую поверхность слежалой осенней листвы, не складываясь, однако, в слова и мысли. Сашка второй день рубил этот высокий ясень.

Ветер не спеша шелестел

последними листками уходящего года, а скупое осеннее солнце ещё изредка выглядывало из-под монолитного небосвода, но, пожившись, всякий раз пряталось обратно... Сашка тоже никуда не спешил. Батя задумал расчистить под посадку пространство за огородом ещё в прошлом году, но как-то всё было некогда. Наконец, пару недель назад, когда чуть под-

сохла от холода размокшая осенняя почва, нехотя взял топор и, позвав своего десятилетнего сына, принялся зачищать. Он показал, как подрубать корни молодняка, чтоб они вытаскивались целиком, как грамотно оприходовать густой шиповник, не царапаясь, и что делать с высокой травой, мешавшей работе.

«Дальше сам. Без нужды не рви. Найдёшь свой ритм – и работа поплывёт будто, сам не заметишь, как всё сделаешь», – подытожил он.

Лесопосадка, простиравшаяся сразу за огородом, представляла из себя густую поросль самых разных пород – ивы, вербы, ясения, ольхи, шиповника, крапивы и даже одичалой малины. Весь её вид говорил о том, что она является смешением нечто различного, являясь пограничным участком между лесом, сельскими огородами и защитными насаждениями железной дороги, проходящей невдалеке. Хаотичный участок ничейной земли, нечто переходное и вынужденное между системным и стихийным, между культурным и диким – как и само время, в котором он произрос. Шёл нелёгкий 1992-й.

Уже не первый год страна вместе с первыми холодами чувствовала и ледяное дыхание рыночных отношений. Народ привычно ходил на работу, но более из желания сохранить систему, чем ради заработка, зарплату же каждый месяц подъедала гиперинфляция. Многие из тех, кто не нашёл в этом смысла, беспробудно пил. Деревня загрубела, потекла крышами и стала пустеть. Редкий стук калитки да весёлые шлепки по лужам всё чаще создавали ошалевший от

безлюдья ветер и грустный молчаливый дождь... Некому было петь и не с кем играть... Молча покуривая по утрам с кружкой тёмного чая и ёжась по вечерам у экранов телевизоров, брошенная Русь очередной раз подумывала о том, чтоб потянуться к топору. Однако в этот раз её генетический порыв был разрешён в бескровном смысле. Недавние ожидания лучшей жизни ещё тлели в душах угольком надежды, а упрямство продолжало шептать о правильности сделанного исторического выбора. Извечная вера Руси в справедливость осаживала горячие головы и принуждала ждать. Те, кто ждать уже не мог, приспособлялись... Кто-то рубил медные кабеля и сдавал пережжённый цветмет перекупщикам, кто-то валил лес, отправляя кругляк за бугор, а кто-то, как и Сашкины родители, просто расширял огороды, чтоб хотя бы не голодать зимой. А там как-нибудь... «Ну, вот тебе и взрослая работа, помощник. К весне успеешь», – сказал батя, бросив плашмя к Сашкиным ногам топор.

Приняв поручение со всей ответственностью, Сашка после школы приходил и потихоньку расширял этот первый просвет среди сплошных зарослей. Шла вторая неделя работы. На поляне уже выселились аккуратные кучи порубленного кустарника и молодняка – летом они будут сожжены. В начале участка появился штабель длинных жердей, годных на ограду, и столбы. Кое-где бессистемно лежали обрубки толстых стволов, которые Сашка не смог откатить в одиночку. Посреди этого пространства, как александрийский столп, ещё не осознав насту-

пившего одиночества, простирал ветви к небу высокий ясень.

«Красивый», – мелькнуло в голове.

Вокруг стояла тишь, не нарушаемая ни шорохом мёртвой листвы, ни звуками ещё живой деревни. Белёное небо разгладилось, одарив неуверенной тенью. Можно было даже сказать, что сама природа и весь окружающий мир вдруг замерли, решив посмотреть на нечто необычное среди повседневной скуки. Но Сашка не думал об этом. В предыдущие дни он уже подступал к этому ясеню, но, пару раз ударив, ощущал, что нахрапом его не взять. «Серьёзный соперник», – понимал он, и возвращался к расчистке поляны. Сегодня, наконец, придя пораньше, сняв свитер и утоптав землю вокруг дерева, он приступил. Первые удары шли легко, но лишь только он углубился в толщу, работа замедлилась. Сколы стали коротки и широки, а звук ударов – звонким и размеренным. Удар, ещё удар. Удар. Ещё удар. «Надо же! Будто не берёт его ничто... По крошке снимается... А другого пути нет. Надо терпеть», – подумалось Сашке. В монотонном ритме потёк этот поединок взрослого дерева и маленького человеческого существа. Тусклое осеннее солнце, не желая смотреть на происходящее, безмолвно поспешило закончить день. Ещё некоторое время в темноте раздавались удары, но скоро стихли.

Дома, садясь ужинать, Сашка посмотрел на свои натруженные руки и, чуть потерев, положил на стол. Заметив это, мама нежно взяла их в свои и, развернув наружу, с улыбкой провела пальцем

по набухшим подушечкам. Они посмотрели друг другу в глаза... Сашкины руки никогда не были избалованы мягкостью и уже имели мозолистые уплотнения, приобретённые частым обыденным сельским трудом, но за последние дни сильно зашероховатились и даже огрубели от постоянной работы и холодного воздуха.

«Женщина полюбит тебя за твои руки», – теребя его ладошку, вдруг сказала мама.

Подняв вопросительно брови, Сашка глянул на маму, но, смутившись, не стал ничего спрашивать...

«Потому что эти руки всё будут делать, но при этом молчать», – с улыбкой ответила она на его немой вопрос.

Сашка заметил, как, чуть шмыгнув носом, она отвернулась... В глазах мелькнула искра слёз.

Следующий день начался как обычно. Школа, обед, полчаса на кроликов и кур, и вот – снова этот ясень. Сашка оглянулся вокруг – вроде другой работы пока не требуется... Перекинул в руках топор, провёл пальцем по лезвию – вроде подточил уже... Зияющая выемка на стволе была не так уж и велика – за весь предыдущий день углубился лишь сантиметров на десять, и это только с одной стороны! Сильное дерево. И корни мощные. Это сколько ж пень корчевать придётся, если только рубки неделя? Ну, что делать? Ладно. Поехали!

До самой кромешной тьмы ритмичный звук ударов доносился с края огорода... При взгляде издали ещё некоторое время было видно, как маленький человеческий силуэт монотонно покачивается возле могучего древесного

ствола, не сбавляя темпа, упорный в своём постоянстве, в желании победить, но скоро и эта картина наглухо затушевалась пасмурной осенней мглой. Оказалось, что этот поединок, как и любой другой, – прежде всего поединок с самим собой, и подросток быстро понял это, отбросив мысли и смиряясь с неизбежностью. Через некоторое время дыхание выровнялось, время превратилось в течение спокойной реки, а стук ударов слился с биением сердца. В сознании возникал размеренный диалог. Почему мама плачет? «Тук, тук». Кем я стану, когда вырасту? Сколько росло здесь это дерево? «Тук, тук». А почему я пришёл и рублю? Почему всё умирает? «Тук, тук, тук». Неужели всё умирает так же, без причины? Распаренное тело Сашки, найдя свой ритм, не прося и не стоная, вело с самим собой беседу, точно и спокойно делая заданную работу. Сашка и не заметил, как вечерний ноябрьский воздух стал колким, забираясь в тёплые пазы распахнутой рубахи, а жаркие выдохи проявились вдруг белым дымком...

Тьма скрыла их. Никто не помнит, во сколько Сашка пришёл домой и лёг спать... Когда утро, наконец, очертило контуры всего сущего, Сашка не встал в школу... Да и вообще не смог встать. Мутное марево перед его глазами кричало и обрушивало вдруг в бездонную тьму. Воспалённое сознание бросало в жар и внезапно обливало ледяным потоком. Сашка болел. Тягуче, болезненно, сильно. Болел.

Но не только он болел этим пасмурным утром... Вся огромная страна, ещё менее года назад

бывшая единой, билась в агонии и бреду не в силах подняться. Корёжась в тихом стоне, она полыхала огнём на окраинах и замерзала в холоде серого бетона пятиэтажек. Жар пожирал её изнутри, скованную ледяным страхом и внешним равнодушием. Молодые республики, ещё только успев провозгласить суверенитет, уже заряжали обоймы, собираясь выпустить их друг в друга. Страна болела... Жесточайшая резня русских, и междоусобица в среднеазиатских республиках, масштабная война между почти всеми этносами вспылчивого Кавказа, беспочвенное братоубийство в Приднестровье – холодная осень 1992-го оказалась крайне горячей. Гиперинфляция, конституционный кризис, дефицит. Голод, бартер, шоковые реформы... И ещё много-много непривычных, непонятых слов, пронеслось по стране, сея всполохи страха. Всё, что жило и дышало на огромном пространстве великой страны, вдруг поняло, что худшее ещё впереди, и, перекрестившись, приготовилось ждать.

Посреди опустевшей поляны одиноко стоял высокий ясень... Лучи солнца поблёскивали на плёнке засохшей бесцветной крови зияющей раны его могучего тела. Никто не явился сегодня на поединок с ним, и, казалось, что это дело может остаться таким же незавершённым, как и многое другое, начатое в том нелёгком году.

Но это противостояние уже не могло не разрешиться. Всё вокруг было надорванным и всё большим. Само мироздание, поняв, что натворило, готовилось безропотно начать выдачу своих

бессмысленных жертв. Глубоко-глубоко, там, где нет места даже сознанию и мыслям, там, где безраздельно царствуют сны и невыраженная явь – началась совсем другая борьба.

К людям всегда во сне является самое яркое из пережитого накануне. И яшень не мог не прийти... Он явился пред Сашкой, простерев руки к небу и взывая к ответу. Но уже не требовал диалога... Мечь, священная и первобытная, бушевала над ним, упиваясь вседозволенностью. Все удары, нанесённые ясеню, теперь болезненно возвращались обратно. «Тук, тук, тук», – хлопало откуда-то изнутри. Могучее дерево властвовало в бескрайнем пространстве восприятия, то притягивая, то удаляя на тысячи километров и лет удивлённое сознание ребёнка. Высокие тугие ветви возносили Сашку над землёй, а потом вдруг клали вглубь мокрой почвы, неотвратимо смыкающейся прямо поверх глаз и ноздрей. Сашка задыхался и силился разодрать глаза...

«Тук, тук, тук...», – слышалось издалека. Длинные кривые руки покачивались над ним, будто прощаясь. Густым дождём с неба падали жёлтые щепки...

Мрак накрыл маленького человека. Время превратилось в тягучую болезненную явь, то растягиваясь, то сжимаясь, а боль, сплетясь в тугий узел, взрывалась вдруг язвительным звонким смехом, заставляя дрожать и искривляться то, что могло себя осознавать в этот момент. С белого мутного неба который раз уже падал сухой тонкий лист, так и не коснувшись земли... Сашка понял, что он и есть этот лист.

«Лихорадит ребёнка. Надо жар сбивать», – констатировал очевидное пожилой фельдшер, держа его горячее лицо своими ладонями. «Нету антибиотиков. В городе только», – добавил он. «Отвар надо сделать – кора ясеня и лист смородины, два к одному. Потом шиповник – отдельно. Ну, и таблетки, какие есть... Пробуйте».

В тот день было очень мало слов. Мама носилась вокруг с градусниками, тазиками, таблетками, но навряд ли Сашка ощущал из этого хоть миг... Полчаса сидел на кухне, покручивая в пальцах сигарету, отец, а потом молча вышел.

Кора. Узловатая, глубокая, тёмная. Изрезанная реками трещин и вершинами наростов, увенчанных, будто снежными шапками, островками неубиваемой седой плесени... Это растрескавшееся лицо земли, покинутой жизнью. Пустыня, в которую медленно стала превращаться огромная, великая страна... Ещё кочевали по ней все известные формы жизни, ещё текла по иссохшим впадинам влага, но какая-то часть этого пространства уже была обречена... Смяв в сильных ладонях древесную плоть, батя медленно стал крошить кору в сосуд...

По бессознательному, наконец, поплыли голые ветвистые кроны... Серое-серое небо и молчаливые стражи деревьев, охраняющие скорее не его, а саму бесконечность... Шорох холодного воздуха, скрип колеса... Сашка понял, что он снова родился, – это всего лишь коляска, и он катится сейчас в ней, упеленанный коконом, по осеннему тротуару. И где-то рядом мама и её тёплые руки. И стоит лишь потерпеть вновь, про-

жить жизнь – и всё снова вернётся к тому, где оборвалось... Ясень, кажется, не стал забирать его, и сейчас ветвями своих собратьев лишь бодро помахивал вслед... «Ступай, Сашка..»

«Тук, тук, тук» – далёкий стук превратился вдруг в мягкое и уверенное биение собственного сердца. Стало тепло и спокойно. Чьим-то сильным нажатием разомкнулся его рот, и влилась терпкая микстура. «Деревья, пап, я сам, пап... Деревья...», – шептал в бреду Сашка.

Они стояли на пустой поляне вдвоём. Отец и сын. Спокойный, обращённый вниз взгляд отца говорил о том, что он доволен проделанной работой и не требует большего. Прошла неделя после того, как Сашка был здесь последний раз, и сегодня, когда немного окрепший ребёнок встал пораньше, надел рабочее и побрёл в огород, батя, поняв, куда тот направляется, решил пойти тоже. Более чтоб оградить от лишней работы, а не наоборот. На поляне было чисто и светло, ровные горки порубленной растительности аккуратно были рассортированы. Жерди – отдельно, ветви и кустарник – отдельно, небольшие брёвна – тоже. Обрубки молодых деревьев были подкопаны и надрублены... Советовать было явно нечего.

«Хочешь продолжать?» Сашка кивнул. Батя оглядел его с головы до ног, будто оценивая способность к дальнейшему подвигу... «Будь разумен. Иногда о рвении приходится сожалеть», – произнёс он.

Ясень молча взирал на них со своей высоты. Могучие корни ещё легко качали воду из недр, раздавая её по всему телу. На голых вет-

вях покачивались небольшие гирлянды семенников, которые ясень ещё рассчитывал пустить по ветру весной. Но сам он был уже обречён. Сашка серьёзно потрудился последний раз. Не менее трети ствола было выбрано по толще, а в середине светло-жёлтого тела уже обнажилось коричневое древесное сердце.

«Лет сорок, наверное? Красивый, – погладив кору и глянув на уходящий ввысь ствол, произнёс батя. – Даже жалко».

Батя был скуп на слова. Никогда ничего не говорил просто так.

Следующие два дня у Сашки пошли слабо. Лишь только взяв топор в руки, он вдруг осознал то, что смутно шевелилось в его душе. Он совершает непоправимое! Живое! Дерево – живое! Оно росло здесь много лет – красивое, мощное, полное сочной жизни, создавая вокруг себя благоприятную среду – и вот кто-то пришёл его убить. Просто так, потому что посчитал это достойным поединком. Убить существо, старше тебя в четыре раза, по простой прихоти! Безмолвное и величественное в своей покорности! Сашке вдруг захотелось, чтоб дерево смогло дать сдачи, отхлестать его или, схватив узловатыми ветвями, бросить на землю. Но ясень молчал, и от этого совесть терзалась всё сильнее. Почему нужно убивать? Зачем я родился? Есть ли во мне смысл? Почему нельзя всё вернуть в прошлое? Одна ли жизнь у меня? А у него? А для чего вообще жизнь?

То ли сам Сашка, то ли молчавший до этого ясень – кто-то стал вдруг задавать вопросы... Тяжёлые, как осеннее небо, неудобные,

слишком колкие, чтоб их можно было безболезненно похоронить в душе... Они давили и, попадая в душу, распирали её изнутри.

На всём пространстве – от места восхода Сашкиного солнца до места, где оно садилось, – больше не было ни одного ответа ни на один вопрос... Люди и правительства выдавали самые неожиданные решения, ведомые страхом или сиюминутной выгодой, часто себе во вред. Бесплезно было искать в этом хоть какой-либо смысл... Царил хаос, и большинство пыталось лишь не оказаться погребённым под рушащейся громадой великой страны. Когда-нибудь историки и философы найдут причинно-следственные связи, всё обоснуют и объяснят. Назовут это «политической целесообразностью», «исторической неизбежностью» и даже «естественным этапом развития». Но в этом году философы молчали. Потому что в происходящем не было ничего естественного и ничего целесообразного. Потому что вообще, как оказалось, человеческая деятельность представляет из себя просто череду хаотичных действий, ответных бессмысленному потоку случайностей. В 92-м не стоило ждать смысла ни от человека, ни от правительств. Нет никакой закономерности и предопределённости развития. А даже если бы и была, то масса человеческих нелепостей и страхов давно смела бы её, втопав в грунт. У мироздания не оказалось цели.

Произошедшие события не развернуть вспять. Невозможно извиниться и вернуть прошлое. Каждое действие безвозвратно. Неправимо... Ясень больше не проти-

вился. Работа теперь шла чрезмерно легко. Ещё пару дней Сашка без охоты делал лишь направляющий надруб, со стороны места будущего падения, да и то без конца отвлекался на корчевание нескольких оставшихся пеньков и наконец, поняв, что делать больше нечего бросил топор и уселся на бревно. До самого заката он смотрел на свой ясень... Никто не хотел приближать конец. Сашкино сознание пыталось примириться с пережитыми за последние дни чувствами или хотя бы их осознать. Или попытаться наладить мысленный диалог, задать вопросы... Но ясень молчал.

«Я заметил, с трудом работа пошла? – спросил вечером отец. – Стучишь вяло как-то. Давай завтра подойду, и мы вместе свалим...»

У Сашки всё перевернулось в душе...

Обречён! Обречён ясень... Что делать? Сам же взялся! Зачем? Пусть бы рос... Жалко-то как... «Нет, пап, не надо. Я сам, пап».

Наступил новый день. Долго собираясь, растягивая время, Сашка понимал всю неизбежность происходящего. Глупо. Он сам придумал этот поединок и возвёл его на такой высокий принципиальный уровень. Поставил себе зарубку на мозгу, что должен непременно победить это сильное дерево. Зачем? Может быть, бате этот ясень бы и не мешал... А сколько сам пережил уже с этим ясенем? Да и подружился даже, если честно... Теперь уж сам. Теперь нужно завершить начатое. Убить. Дерево. Друга. Собеседника. И всю жизнь знать, что сделал. Сам. Убил. По прихоти. Большое, красивое. Убил. Вот тебе и зарубка.

День уже клонился за средину, когда Сашка пришёл к ясеню... Что-то вдруг поднималось в душе, потом отпускало, хотелось что-то сказать или выразить, но вдруг не находилось слов... Апатия вдруг сменялась возбуждением, а бодрость каким-то тягучим утомлением. Сашка не знал, с чего начинать. Трудно начинать то, что является концом. «Прости меня», – вслух произнёс Сашка и поднял топор...

* * *

Прошло года, наверное, три или четыре... Однажды, принимаясь, как обычно, по весне вскапывать огород, Саша не без удивления заметил, что на пограничном навале в конце участка стали прорастать молодые деревья. Подойдя, он увидел, как из трухлявого, развалившегося тела огромного бревна потянулись тугие, уже окрепшие стволы. Из его дерева... Год за годом, лишённые корней и питаемая лишь влагой, какие-то части этого дерева пытались жить. Это было тяжёлое время. Вся страна – поверженная, распавшаяся, сгнившая, стреляющая друг в друга в Чечне и подворотнях – еле подавала признаки жизни. Уже повзрослевший Сашка чуть улыбнулся, вспоминая всю важность и глупость своего первого противостояния, вдруг почувствовал, как участилось дыхание и вопреки усилиям чуть увлажни-

лись глаза... Странная бессловесная мысль вдруг объединила всё, что было в его жизни, и всё, что должно было произойти.

Годы потекли как река... Разъехавшись по городам и притонам – Сашка, ты, я, да и вообще все, объединяемые словом «мы» – сваленные на обочину, брошенные, лишённые корней, но желающие жить – мы росли.

Страна распадалась на части, продавала себя первым встречным и закидывалась героином в надежде забыться, хотя иногда точно так же хаотично клеилась вновь, выкупая себя по дешёвке и собираясь всем миром на поминки и войны. Мы оправдали, наверное, самые худшие ожидания из всех возможных. Не пытались надолго заглядывать в будущее, а к настоящему относились и вовсе небрежно... Старое поколение предпочло умереть, чтоб не видеть собственными глазами наступившую новую реальность, а собственные наши родители часто закрывали глаза на то, кем мы стали, наверняка чувствуя свою вину.

Иногда нас вытаскивали с наших помоек – к очередным выборам и войнам, но тут же старались забыть вновь. Кому-то, наверное, и было жалко, но будущего не было ни у кого.

Нас просто забыли. Похоронили. Плакали и закопали.

Но никто не знал, что мы – семена.